

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: После эпидемии. Часть десятая: Непростая ситуация

— Алло, слушаю, — орудуя одной рукой, чтобы посолить шкварчащую на сковороде яичницу, я другой потянулся за забренчавшим телефоном.

— Доброе утро, — прозвучал в трубке голос Карины Игоревны. — Как дела, как настроение?

— Спасибо, все хорошо.

— Я рада, что у тебя все хорошо. А еще больше рада сообщить, что Лера уехала из нашего славного города — согласно источнику, она отправилась куда-то на север страны. Возможно для того, чтобы там искать новых работников для бизнеса своего папаши. Так что, можешь смело возвращаться, с жильем вопрос решим.

Вот же блин! Всего несколько дней у меня наконец-то нормальные отношения с самой лучшей на свете девушкой, и тут на тебе, суровая реальность превратила все в пыль.

— А если Лера вернется? — спросил я, отчаянно пытаюсь потянуть время. — Он ведь знает, где я работаю, и кем.

— Но это же не значит, что тебе теперь надо всю жизнь от нее бегать и прятаться, — резонно заметила начальница. — Не бойся, если что, то я сама с ней поговорю. Объясню, что не на тот каравай она свой блядский ротик открыла, — и вдруг посерьезнела. — Саша, я все понимаю, но ты мне срочно нужен здесь. У нас в магазине завал, впереди проверки, а скоро еще инвентаризацию проводить будем, весь товар считать. Без тебя никак не справимся. Тут девчонки уже в панике, только и делают, что про тебя спрашивают. В общем, даю тебе еще один день, а завтра пришлю за тобой людей, и это не обсуждается. До встречи, Марине привет.

И отключилась, оставив меня стоять в растерянности с мобильником в руке. Самое обидное, что я ей даже возразить не мог, потому что теперь был ее должником по гроб жизни. Да и не хотелось возражать, если честно. Как начальница Карина Игоревна умела подбирать тон, после которого оставалось только дрожать от страха.

Весь день я маялся, не зная, как поступить, и ожидая Марину с работы, чтобы все с ней обсудить. Кстати говоря, надо отдать Марине должное — она сама обо всем догадалась по моему настроению. Правда, не сразу, потому что сначала у нас был долгожданный, запланированный на сегодня сеанс обучению анального секса, которого мы оба ждали с большим нетерпением. Оказалось, что анала у Марины еще никогда не было — и сама мысль о том, что я буду у нее там первый, возбуждала меня до невероятности. Вообще нам, мужикам, льстит, когда мы в этом деле у женщины первые — это как бы подчеркивает нашу власть и право на обладание конкретно этой женщиной.

И дело, кстати, не только во власти. Как-то лазя на всяких там сексуальных форумах (не из любопытства, а просто от нечего делать), я наткнулся на интересную мужскую мысль о том, что страсть к анальному сексу — это не что иное, как мужское подсознательное стремление стать полноправным хозяином на завоеванной им территории. Ведь мы самцы, воины, завоеватели, а тело любимой женщины для нас — и есть та сама завоеванная территория. А как чувствовать себя на ней хозяином, если есть места, куда тебе нет хода, или есть, но он под запретом? Поэтому мы так и любим опробовать все доступные женские дырочки, в том числе и заднюю. И неважно, если эту девушку ты знаешь всего один день — здесь вопрос принципа, а принцип для нас святое дело.

Так что скоро Марина уже лежала на кровати, на спине, полностью обнаженная, и страстно стонала, пока я целовал и вылизывал ее мокрую, сладкую пизденку (почему-то это слово штырило меня нереально), а в это время три моих пальца, вооруженные нанесенной на них анальной смазкой, двигались у нее в попке, разминая и расширяя узкое колечко. Сначала Марина была сильно зажатой, но потом, когда полностью отдалась моим ласкам и расслабилась, дело пошло быстрее. Ласки клитора и попки одновременно дарили ей неземное блаженство — извиваясь и впиваясь в мои волосы пальцами, она шептала в горячем бреду:

— А-а-а-а... Сашка... Что же ты со мной делаешь...

— Трахаю, — хмыкнул я, полностью сосредоточенный на своем деле. Лишать девушку анальной девственности мне еще никогда не приходилось (с Дашей у меня тогда ничего не получилось), так что я боялся в этом деле классически опозориться — или вставить слишком рано и тем самым причинить Марине боль, или вставить слишком поздно, и кончить, не продержавшись и двух минут. Все-таки хотелось, чтобы ее первый анальный раз был на высоте, так как это полностью отразится на том, позволено ли мне будет пользоваться ее попкой в дальнейшем. А пользоваться я хотел, даже очень.

Поэтому придя к выводу, что ее попка уже достаточно разработана, я пристроил головку разрывающего от напряжения члена в пространство между ее сочных ягодиц. Марина к тому времени уже сама ничего не соображала от наслаждения, а потому покорно позволила мне проникнуть внутрь нее, так сказать, через «содомские ворота». Сначала все шло хорошо, но потом она вдруг резко пришла в себя, дернулась, и закусил губу.

— Стой! Мне больно!

Остановившись, я нежно поцеловал ее, извиняясь за свою грубость, и принялся ласково посасывать ее набухшие соски, стремясь помочь ей перетерпеть боль. А сам снова начал проникать дальше — только медленно, сантиметр за сантиметром. Марина только сдавленно стонала, сжимая мою руку, словно прося поддержки. Когда я оказался в ней полностью, она глубоко выдохнула, и расслабилась.

— Теперь больно?

— Теперь нет, — она наклонила голову, прислушиваясь к ощущениям. — По-моему, даже приятно, а тебе?

— Мне классно, — честно ответил я, и начал медленно двигаться.

Боже, как у нее там было хорошо! Сочная и упругая, накачанная попка сводила с ума одним только своим видом, а проникновение было в сто раз лучше! Узко, восхитительно узко, каждое движение приносит невероятные ощущения, яйца ломит от напряжения, а ее стоны звучат в ушах ангельской музыкой. А когда Марина впервые робко подалась навстречу, сама насаживаясь попкой на мой член, мне чуть окончательно крышу не снесло. Ей понравилось, и она хотела сильнее, еще сильнее!

Я осторожно вышел из нее, и она тут же издала протестующий стон.

— Нет! Не уходи!

— Не ухожу, — успокоил я, переворачивая ее на живот. Марина сразу все поняла, и сама встала на колени, прогнувшись в спине, и раздвигая руками свои ягодицы. Во второй раз член вошел без проблем, и я замер, давая ей возможность самой двигаться. И она двигалась, активно насаживаясь попкой на мой твердый фаллос, кричала и билась в волнах удовольствия, а я держал ее за талию, контролируя скорость. Однако даже несмотря на это

кончить от анального проникновения у Марины пока не получилось. Она даже зарычала от нетерпения, и опустила на руки, утыкаясь головой в подушку. Теперь уже я принялся за дело, долбя ее в задницу с силой отбойного молотка.

— А-а-а! — чтобы ускорить дело, я просунул руку вниз и вошел двумя пальцами в ее жаркое, чавкающее лоно, а Марина тут же буквально захлебнулась криками. — Кончаю!

Вагинальное проникновение значительно помогло анальному — впервые после одного оргазма на смену сразу пришел второй, явившийся после того, как я сам начал кончать в ее прелестную попку. Видимо, Марина очень остро реагировала на такие моменты, потому что когда ее крик стих, она только и могла, что бессвязно материться, корчится и извиваться на кровати.

— Почему ты так сильно кончаешь, когда я кончаю в тебя? — спросил я, когда мы лежали в обнимку, отдыхая после нашего первого анального раза.

— Не знаю, — честно призналась Марина. — Просто мне в такие моменты словно крышу сносит. Когда твоя теплая сперма бьет внутри меня... в общем, я как бы достигаю высшей точки внеземного счастья. И от этого у меня такой сильный оргазм, что кажется, что я вот-вот сознание потеряю. Саш, посмотри, как там у меня?

Она перевернулась на живот, давая мне осмотреть ее распечатанный анус. Оказалось, что не так уж и плохо — просто вместо узкого, аппетитного колечка теперь большая, неровная дыра.

— Заживет, — я поцеловал ее ягодицы, а Марина тут же развернулась, и поймала ртом мою обмякшую плоть. От ее умелого язычка член радостно задрожал, мгновенно твердея. — Почему ты такой грустный сегодня? — спросила она, играясь с уздечкой, и нежно целуя багровую головку. — Что-то случилось?

Я секунд десять молчал, не зная, с чего начать, но она вдруг так умело начала гладить и сжимать пальцами яички, что пришлось рассказать — иначе бы мне грозила самая лучшая в истории смерть от перевозбуждения от минета.

— М-м-м! — сладко причмокнула Марина, вынимая член изо рта. — И что здесь такого?

— То есть тебя вообще не смущает, что я уеду?

— Ну, и что? Поедешь, уволишься, и сразу вернешься.

— Уволиться? — об этом я не подумал. — Но зачем мне увольняться?

Марина мягко опрокинула меня на спину, и оседлала, водя головкой члена по своим влажным, набухшим от возбуждения складочкам киски. Таким образом она дразнила и меня, и себя, усиливая остроту ощущений.

— А почему нет? — она легла сверху, и нежно провела языком по моей нижней губе. — Тебе все равно надо двигаться дальше. В нашей дыре ты будешь просто гнить заживо, а здесь у тебя есть перспективы.

— Какие перспективы? — грустно улыбнулся я. — Вместо обычного кладовщика стать старшим кладовщиком?

— Почему сразу кладовщиком? — Марина медленно насадилась на мой твердый, гордо торчащий вверх фаллос, и уперлась ладонями в мою грудь, уверенно отталкиваясь от нее. — Здесь для мужчин... а-а-а!... очень много разных... а-а-а-х!... вариантов. А главное, что я буду рядом.

— Спасибо, но меня в бордель опять не тянет.

— Зачем бордель? Разве у тебя нет никаких талантов, кроме этого? — она страстно охнула, когда глубоко внутри нее головка члена дотронулась до матки. — Сашка, я тебя никуда не

отпущу. Я слишком долго ждала тебя, чтобы вот так сразу расстаться. Если ты уедешь, то я... то я... прыгну с моста в реку, вот!

Слышать это от прекрасной и голой девушки, которая в эту минуту двигалась на моем члене, выгибаясь и бесстыдно постанывая, было немного странно. Не удержавшись, я рассмеялся, и обхватил руками ее грудь, ласково сжимая и перекатывая между пальцами соски.

— Да-а-а... — выдохнула Марина, виртуозно крутя тазом и выгибая спину. Временно забыв о теме разговора, мы снова отдались страсти — несколькими минутами позже я повалил ее на спину, задрал ноги вверх, и долбил до тех пор, пока она снова не кончила два раза подряд, порядком охрипнув от криков и расцарапав в кровь мою спину. А потом в качестве наказания усердно полировала во рту мой член, очищая его от наших общих выделений.

— Важно то, что здесь ты, даже не напрягаясь, можешь найти такие связи, что твоя жизнь будет в шоколаде, — вернулась Марина к прерванному разговору, когда мы уже сидели на кухне, и пили чай. Одежды на нас не было — еще после первого раза мы теперь разгуливали по квартире голыми, совершенно не смущаясь друг друга. Времена, когда я мог застесняться давно прошли, а Марина призналась, что всегда мечтала увидеть, как по ее квартире ходит красивый, голый мужчина. Опять же, тело дышит свежим воздухом, и раздеваться потом не надо.

— Это какие же? — подозрительно спросил я. — Хотя чего я спрашиваю, и так все понятно. Порнуха, мальчик по вызову, порнуха, живая реклама для торговых фирм, порнуха...

— Про порнуху ты уже говорил.

— Я подчеркнул! Потому что другого места, где я, не напрягаясь, могу получить связи и жизнь в шоколаде, мне просто в голову не приходит.

— Да успокойся ты! Тебе вообще не надо будет работать. Я буду тебя обеспечивать! — заявила Марина.

Тут я вообще охренел, потому что уж точно не ожидал услышать это от девушки, с которой вроде как теперь встречаюсь.

— погоди минутку. Мне сейчас послышалось, или ты сказала...

— Да, я сказала! — она гордо выпятила свою обнаженную, упругую грудь третьего размера. — Потому что я вполне способна содержать своего любимого мужчину. И, кстати, сейчас в мире это абсолютно нормально — только другие мужики по пять баб имеют, которые их кормят и одевают, а тебе и меня одной хватит.

— Мда, — протянул я, реально подозревая, что она так неудачно шутит. — А ты, Марина, в паспорт мой загляни. Там у меня написано имя «Александр», а не «Альфонс» или «Жиголо».

— При чем тут это? Саша, сейчас такая ситуация, что все не так, как раньше. Нужно учиться подстраиваться под перемены. Ты работал кладовщиком — и к чему это привело? Нет уж, больше я не позволю тебе рисковать. Я буду работать, ты отдыхать, а в свободное время мы будем заниматься любовью, гулять, заниматься любовью, планировать наше совместное будущее, заниматься любовью...

— Про заниматься любовью ты уже говорила.

— А я подчеркнула.

— Охренеть можно! То есть, я буду жить за твой счет, и за это тебя регулярно трахать? Ты хоть сама слышишь, о чем говоришь?

Марина замолчала, слегка напуганная моим повышенным тоном.

— Прости, Саш, я не думала, что ты это так воспримешь. Я просто предложила самый

удобный для нас обоих вариант.

— Хера се, удобный! — кипятился я. — И как это будет выглядеть со стороны?

— Нормально будет выглядеть. Сейчас все женщины мечтают иметь своего единственного мужчину, и делать все, чтобы ему было хорошо, так почему нам нельзя?

— А мое мнение тебя не интересует?

— Конечно, интересует, — миролюбиво сказала она. — Почему ты к этому так негативно относишься?

— Потому что я не хочу целыми днями валяться перед телевизором, и постепенно превращаться в какое-то ленивое быдло. Я, может, тоже хочу работать, делать карьеру, стать кем-то выше, чем просто мужик.

— Для меня ты всегда будешь самым лучшим, — успокоила Марина. — Я люблю тебя таким, какой ты есть.

— А вот я себя таким не люблю, понятно? И ты не сможешь меня долго любить, если я отращу себе пивное пузо, или мне станет лень даже носки вовремя снять.

— Да пойми же ты! — уже совсем отчаявшись, она схватила меня за руку. — Нельзя тебе на работу! Ты же такой хороший, такой умный, такой заботливый, нежный, опытный... Тебя же с руками оторвут! Или опять куда-нибудь заберут, как в прошлый раз.

— В прошлый раз я просто не знал, что по свету ползают такие твари, как Лера, которые мужиков сначала гипнотизируют, а потом похищают. Теперь я знаю, и буду осторожен.

Общая картина вырисовывалась довольно ясно. Марина так сильно боялась меня потерять, что готова была на все, лишь бы этого не случилось. Она прекрасно понимала, что стоит мне выйти за пределы квартиры, и ее шансы хоть немного побыть для меня одной-единственной сразу же автоматически снизятся до почти нуля. Наверняка здесь, в Москве, есть свои клубы охотниц за разгуливающими по улицам без присмотров мужиками. Однако меня, человека, пока еще немного сохранявшего старомодные взгляды на жизнь, бесила только одна мысль о том, что я буду сидеть в квартире, как в тюрьме, и целый день ждать Марину с работы, как какой-то опустившийся алкаш. И жить на ее деньги, и спать с ней за ее деньги, и все остальное — тоже за ее деньги.

Кроме того, я теперь был должен очень немалую сумму Карине Игоревне — и вряд ли Марина сама сможет выплатить за меня этот долг, даже если будет вкалывать больше обычного. Да и вообще, с чего ей его выплачивать? Я же не инвалид какой-нибудь, ёлы-палы, вполне могу и сам с этим справиться.

С другой стороны, я прекрасно понимал ее беспокойство, а особенно обоснованность ее опасений. Мне и самому не прельщало угодить в место похуже борделя. Например, к какой-нибудь богатой даме, которая коллекционирует гарем мужиков — про таких мне рассказывал Марсель. Там, конечно, вся свобода закончится враз — только и делай, что сиди, да жди своей очереди, пока хозяйка не позовет ее ублажать. Правда, я слышал, что мальчишки из таких гаремов могли позволить себе очень многое, и вообще, шикарно проводили жизнь, соря деньгами направо и налево, да всю предаваясь разгульным развлечениям, но меня в богемную среду пока что не тянуло. Я человек простой, утром иду на работу, вечером домой, и плевать хотел на то, что какие-нибудь мальчишки-мажоры в ночных клубах кокаином в хлам угашиваются. — Так ты не уедешь? — спросила Марина, глядя на меня с затаенной надеждой.

— А поехали со мной? Снимем себе квартиру, и будем жить, как здесь.

— Нет-нет, даже не проси! — она аж отшатнулась, и затрясла головой. — Я в эту дыру больше

не вернусь. Сколько времени и сил потратила, чтобы из нее вырваться! Давай ты уволишься, окончательно переедешь сюда, ко мне, и я тебе здесь найду работу. Хочешь в магазине? Пожалуйста, я договорюсь.

— Я и сам договорюсь. Проблема в том, что со старого места мне уже так просто не уволиться. Я теперь начальнице очень сильно должен за то, что она меня из борделя вытащила.

— Давай возьмем кредит, и отдадим ей этот долг.

— Ага, чтобы ты потом еще и кредит мой выплачивала, если я вдруг работу не найду?

Спасибо, не надо.

— Ты слишком много на себя берешь.

— А ты не много?

Короче, так в тот вечер мы ничего и не решили. Пока ясно было одно — расставаться нам не хотелось, но в то же время ни один не хотел идти на уступки другому. Марина наотрез отказалась возвращаться со мной в родной город, а я наотрез отказался увольняться из магазина, и жить с ней на ее содержании. Мы зашли, что говорится, в тупик.

Устав разговаривать, отправились спать, решив, что утро вечера мудренее. Оказалось, что нифига не мудренее — утром я тоже не смог придумать ничего такого, что могло бы разрешить нашу проблему. А между тем Карина Игоревна уже наверняка выслала за мной тех, кто скоро будет здесь, чтобы увезти меня домой.

Когда я в очередной раз плюхнулся на диван, чувствуя, как от непривычной мыслительной деятельности у меня буквально раскалывается голова, Марина, что все это время сидела, скрутившись калачиком в кресле, робко сказала:

— Может, немного расслабимся? Пока мозг не закипел.

Расслабляться мне не хотелось, но я чувствовал необходимость этого. В конце концов, оставался последний вариант — обсудить все лично с Мариной Игоревной. Она-то наверняка подскажет, что делать. А значит, все равно придется уезжать, а значит, у нас с Мариной всего около суток, чтобы побыть вместе.

— А тебе на работу не надо? — на всякий случай спросил я.

— Я отгул взяла, — ответила Марина, и тут же протянула руки, так как я буквально набросился на нее. Приникнув к ее губам, я начал жадно целовать ее, а она приглушенно стонала, и поглаживала мой крепнувший с каждой секундой член. Удивительное дело — несмотря на то, что и вчера, и до этого мы уже довольно долго провели время друг с другом, нам все равно было мало и мало. Химия, блин, какая-то. Стянув Марину на пол, я уложил ее на себя сверху, в позу валетом, и она тут же обхватила руками мой член, нетерпеливо ерзая своей киской по моему лицу. Потом вдруг выпрямилась, и в наглую оседлала меня, подставляя свое сочное юное влагалище под мой язык и губы. Поласкав ее так некоторое время, я опрокинул ее на спину, и, покусывая набухшие соски, спросил:

— Хочешь как вчера?

— Да-а-а-а... — жарко выдохнула Марина, и, обхватив рукой мой член, сама направила его в свою узкую, восхитительную попку. А потом притянула меня к себе, обхватила руками и ногами, и позволила терзать ее, улетаая за облака от ощущений глубоко в себе большого, твердого фаллоса.

А уже на следующий день ранним утром Марина отвезла меня на вокзал, где сдала с рук в руки двум женщинам в полицейской форме, вооруженным, как полагается. Именно они были

моими сопровождающими в этой поездке. Не знаю, были ли они реальными копами, или притворялись, но трюк сработал — за всю поездку никто из окружающих меня баб даже не подумал ко мне приставать. Связываться с представителями закона не хотелось никому.

Перед отходом поезда мы с Мариной долго стояли на перроне, взявшись за руки, и молчали. Говорить было не о чем — все было сказано ночью, которая пролетела, как один миг.

— Я люблю тебя, — наконец, сказала Марина, и нежно прикоснулась губами к моей щеке. — Пожалуйста, возвращайся поскорее.

— Будешь скучать? — я провел рукой по изгибам ее тела.

— Уже скучаю, — она легонько оттолкнула меня. — Можешь хотя бы приблизительно сказать, когда тебя ждать?

Я покачал головой. Я и конкретно-то не мог сказать, а уж приблизительно точно. Марина грустно вздохнула, и, поцеловавшись в последний раз, мы разошлись — я забрался в вагон поезда, а она еще долго стояла на перроне, провожая меня взглядом, пока не скрылась вдали.

Путешествие обратно в свой родной город я описывать не буду, скажу только, что все произошло спокойно и без происшествий. Большую часть дороги я проспал, утомленный за ночь страстной и ненасытной Мариной, а оставшуюся часть развлекал себя, как мог — слушал музыку, смотрел фильмы на телефоне, а когда телефон разрядился, одна из сопровождающих меня «офицеров» отдала свой мобильник. Короче, дорога пролетела быстро. Наказывает за все, что вам могут хоть что-нибудь сделать плохое. И создали специальный отдел, который этим всем занимается. Давайте поговорим о том, что с вами случилось за последние несколько недель. Мы знаем, что вы были в подпольном борделе, мы следили за вами с той самой минуты, как вы оттуда вышли. Я так понимаю, заявление на Валерию Смирнову и ее отца вы писать не собираетесь? Я озадаченно хмыкнул.

— Наверное, нет. Ну, напишу я, а толку? Все равно отмажутся.

— У меня не отмажутся, — пообещала Рогозина. — Мы уже давно держим этих двух на крючке, на каждом висит букет статей. И я очень хочу, чтобы они оказались там, где им положено быть — один в тюрьме, вторая на принудительном психиатрическом обследовании. Но проблема в том, что у нас мало свидетелей, мало показаний. Они почти никого не отпускают, и нам некого спросить, что их преступная структура из себя представляет. Поэтому мне нужны вы.

Сильное заявление. Проверять я его, конечно, не буду.

— А может, я тоже не хочу. Расскажу вам все, а мне потом за это где-нибудь в темном парке горло перережут.

Рогозина устало улыбнулась — сразу видно, что такое ей приходится слышать не в первый раз.

— Никто вам ничего не перережет, — сказала она терпеливо. — Ваше имя в деле вообще мелькать не будет, никто даже не узнает, что всю нужную инфу мы получили от вас. Вы просто нам поможете, и все.

— Ага, все! — я заерзал в кресле. — Вы Лерку посадите, а она через месяц выйдет, и продолжит делать то, что делала. И тогда точно до меня доберется — когда я уже про нее забуду.

— Если вас утешит, то ее предполагаемый диагноз слишком серьезный, чтобы отпустить ее через месяц, — сказала капитан. — А у Льва Моисеевича вообще есть очень нехорошие, обиженные друзья — они будут землю носом рыть, лишь бы его закрыть очень надолго.

Никто до вас не доберется. Вы будете помогать, или нет?

И, видя, что я продолжаю колебаться — все-таки, бежать поперек рельс, по которым мчится паровоз с названием «Мафия» мне не хотелось — Рогозина возвела глаза к потолку.

— Хорошо, — сказала она резким тоном. — Тогда я вас самого арестую. За пособничество. Хотите?

— Пособничество чему? — осторожно уточнил я.

— Их преступной деятельности. Кто знает, может, вы в доле с ними были, поэтому ничего рассказывать не хотите.

Из двух зол всегда выбирают меньшую. Одно дело — Лера, а совсем другое — правоохранительные органы. Я вздохнул.

— Хорошо, я согласен помочь. Но с условием, что вы эту гадину размажете, и ее папашу тоже.

— Размажем, — Рогозина сразу повеселела. — У меня в этом деле личная мотивация, скажу по секрету — я капитан, а хочу быть майором. Сядут, как миленькие, обещаю.

— Ладно, и что мне нужно делать?

— Всего лишь рассказать всю историю от начала и до конца, — Рогозина достала из кармана диктофон. — Припомнить все подробности, которые вы только знаете. Любая мелочь, любая зацепка пригодится. Даже любое имя, которые вы слышали.

Я покосился на диктофон.

— И с какого момента рассказывать?

— С того самого, как вы повстречали Леру, — последовал ответ. — И до того самого, как вышли из борделя.

Эх, и куда меня опять втянули? Вот, не дадут пожить спокойно!

С трудом припоминая все подробности того рокового дня, я начал рассказ. Сначала получалось не очень — я нервничал и сбивался под тяжелым пристальным взглядом капитана, впитывающей каждое мое слово. Тогда Рогозина поступила иначе — выключила диктофон, и достала откуда-то блокнот и ручку.

— Если вам тяжело говорить — можете записать, — предложила она. — Не торопитесь, мы никуда не спешим.

Я вымученно улыбнулся, и взял блокнот. И знаете, сработало. Писать оказалось намного легче — сразу всплыли в памяти те мелочи, о которых я уже и думать забыл. Правда, писать пришлось долго, потому что этих мелочей оказалось неожиданно много, и каждая казалась мне архиважной уликой в поимке Леры. Несколько раз я прерывался, чтобы дать отдохнуть пальцам, и каждый раз замечал, что капитан Рогозина смотрит на меня каким-то уж слишком странным взглядом — не как капитан полиции на свидетеля, а как женщина на понравившегося ей мужчину. Словно изучала меня, запоминая каждую деталь. Ну, здесь мне бояться нечего — не будет же она нарушать закон и приставать ко мне, если же сама наказывает тех, кто так делает?

Рассказ получился долгий — пятнадцать или шестнадцать страниц покрылись моим крупным, отчасти непонятым школьным почерком. Рогозина улыбнулась, куда более приветливо, чем вначале.

— Вы успокоились? — спросила она.

— Да, вроде.

— Теперь я буду задавать вопросы, а вы отвечайте, — она снова включила диктофон. — Вопрос первый: вы знали Леру до того, как увидели ее в квартире своей подруги?

— Нет.

— Может, вы видели ее раньше?

— Нет.

— Может, вы просто не помните?

— Ага, блин, такую забудешь.

— Она вас гипнотизировала?

— Да.

— Заставляла заниматься с ней сексом?

— Да.

— И вы думаете, что все это ради того, чтобы забрать у вас квартиру?

— Именно.

— Вам понравилось? — я аж дернулся от такого вопроса. Клянусь, что в голосе капитана в этот момент слышался неподдельный интерес.

— Нет, конечно!

— Понятно... Вы запомнили что-нибудь из того отрезка времени, когда вас везли в бордель? Шум самолета, стук поезда, голоса?

— Ничего не запомнил.

И так далее, и тому подобное. Напоследок я записал на отдельном листке все имена, которые мог вспомнить. Включая имена тех известных клиенток, певиц и актрис, которые пользовались моими, так сказать, принудительными услугами.

— Вот видите, как мы с вами плодотворно поработали, — заметила Рогозина, просматривая мои записи. — И времени прошло всего два часа. Теперь, Александр, запишите мой номер — так, на всякий случай — возвращайтесь домой, и попробуйте забыть все это, как страшный сон. В конце концов, у вас есть любимая девушка, а Лера, обещаю, больше пальцем вас не тронет. Можете считать, что теперь вы под моей личной защитой — а защита у меня, как у капитана МВД, очень серьезная.

Пришлось поверить ей на слово.

Мое возвращение прошло на удивление тихо и спокойно. Не было шумного праздника, встречающей делегации с цветами и фейерверка. По версии Карины Игоревны, я уехал в отпуск лечить здоровье, и почти никто из сотрудниц супермаркета не знал даже, где я был на самом деле. Из вокзала меня привезли сразу в тесную двухкомнатную квартиру, где мне теперь и придется жить некоторое время. Одно хорошо, что квартира находилась сразу возле магазина, на той же улице, и теперь далеко добираться на работу не надо.

Отдохнув с дороги, я в ту же ночь вышел в ночную смену — чтобы в тишине и спокойствии разобраться со складом, который без своего хозяина превратился в черте что. Первые два часа я только ходил и матерился, ругая безответственных продавцов и грузчиков, а потом остыл, и принялся за работу, вычищая заваленное до потолка товаром помещение насколько это возможно. Для этого Карина Игоревна выделила мне в помощь усиленную смену — и среди ночников первой в списке оказалась овощница Аленка...

Первый раз она поймала меня, когда я, оттащив поддон в торговый зал, возвращался на склад за следующим. До этого Аленка крутилась где-то на своем рабочем месте, в овощном отделе, а тут влетела в склад, как пуля — с горящим радостным взглядом.

— Сашка! — не церемонясь, она стянула с себя верх рабочей кофты, оказавшись сразу без

нижнего белья. — Я так соскучилась!

Мда, этого-то я и боялся. Вообще, я долго думал над тем, как мне теперь отмазываться от секса с девчонками — все-таки, изменять Марине, пусть даже в виду особых обстоятельств острой нехватки мужиков, мне не очень хотелось. А точнее, вообще не хотелось. Хотелось делать это с ней, и только с ней, а не трахать всех подряд, как раньше.

— А ты работу закончила? — сурово спросил я, стараясь оттянуть момент, и что-то придумать. — У тебя там весь зал овощами завален, иди разбирай! — Успею, — беззаботно отмахнулась Аленка, и толкнула меня на стоящий в углу диванчик, сама усаживаясь сверху. — Где ты был? Тебя так не хватало!

Ага, знаем мы, чего тебе не хватало. Я попытался еще что-то сказать, но Аленка заткнула мне рот поцелуем, и без лишних слов расстегнула мою ширинку, запуская руку внутрь. Она вся горела под одеждой — возбуждена была до крайности, и остановить ее сейчас было нереально. Тем не менее, я попытался.

— погоди! — я оттолкнул ее. — Давай не будем.

— Не бойся, я сама все сделаю, ты главное сиди, — успокоила она, становясь на колени.

— Да послушай ты! Тут такое дело... я... короче, не хочу сегодня.

Но Аленка словно не слышала — рывком сдернула с меня штаны вместе с трусами, и ласково лизнула головку члена, который уже начал предательски шевелиться.

— Товарищ кладовщик, нечего филонить! — дурашливо сказала она, обхватывая ствол рукой.

— С вас причитается три раза, и я очень хочу, чтобы вы хорошенько выебали меня во всю свою мужскую силу. Иначе я пожалуюсь начальству.

— Жалуйся, — я кое-как выскользнул из ее цепкой хватки, и вернул одежду на место. — Хоть прямо сейчас иди, и жалуйся.

Улыбка на лице Аленки сменилась беспокойством.

— Сашка, ты чего? — она поднялась с колен. — Заболел, что ли?

— Да, заболел. Такая болезнь, что ничего не болит, и чувствуешь себя нормально, а вот секса не хочется, прямо душу воротит от одной мысли, — вдохновенно соврал я. — И врачи говорят, что лучше не рисковать, а то вообще импотенцию заработаю.

Аленка подозрительно прищурилась. Она такая пробитая жизнью баба, что ее так просто не проведешь, любого раскусит. Но мой тон и нежелание хорошенько выебать ее, как раньше, убедили овощницу в искренности моих слов.

— И когда ты будешь здоров? — спросил она умоляющим тоном.

— Не знаю, — я безразлично пожал плечами. — Когда врачи скажут, тогда и буду.

— Ладно, — она помолчала, а потом натянула на себя кофту. — Пойду я тогда работать.

Может, завтра, а?

— Вряд ли, завтра точно нет.

— Вот же облом! — вздохнула Аленка, и, ворча себе под нос что-то про эпидемию и ебучий вирус, которому мало было поубивать всех мужиков, что он и над выжившими издевается, удалилась. Я облегченно вздохнул. Нормальная такая отмазка получилась, на неделю точно хватит, а там посмотрим.

Конечно, можно было и прямо сказать: «Извини, но у меня теперь есть девушка, любимая и единственная». Но это мало бы что решило. Потому что: во-первых, это не аргумент, во-вторых, она осталась в другом городе, а я теперь здесь, и в-третьих, любая из окружающих меня баб в магазине, услышав об этом, тут же постарается сделать так, чтобы это не стало

проблемой. Мол, подождет твоя Марина, ты нас должен любить, мы же друзья-коллеги-товарищи, и все такое прочее. Короче, лучше отмазаться, чем сказать то, что потом обернется против меня.

До самого конца смены мне удавалось удачно пресекать поползновения в эту сторону. Многие, в частности Аленка, даже обиделись, хотя в открытую никто не возмутился.

Некоторые, как например кассирша Аня, не поверили, и остались при своем мнении, что это мои личные заскоки. Лишь одна Инна поняла, в чем дело, за что я ей был очень благодарен.

Под утро, когда я пил кофе, настраиваясь на последний за ночную смену рывок, после которого можно смело оправиться домой, позвонила Марина.

— Привет, — сказала она. — Как ты?

— Нормально, — ответил я бодро, словно не был буквально затраханый объемом выпавшей на мою долю работой. — Пью какаву, а ты как?

— Да я только проснулась, — в трубке послышался отчетливый зевок. Мое воображение сразу нарисовало заманчивую картину — сонная Марина в одном только своем шелковом халатике, под которым больше ничего нет. Эх, сейчас бы взбодрить ее пару раз хорошим утренним пере... ну то есть, вы поняли. Блин, да что со мной такое? Когда предлагают — отказываюсь, а когда нет возможности, то сразу хочется. Воистину, душа русского человека — темный лес, страшный и опасный.

В трубке наступила пауза, прерванная шумом воды.

— С начальницей поговорил? — спросила Марина, снова хватая телефон.

— Еще не удалось с ней встретиться, — честно ответил я. — Она ночью не приходит, а вчера была занята.

— Ты смотри, не затягивай. А то оглянуться не успеешь, как тебя еще к чему-нибудь обязанным сделают, — предупредила Марина. — Как там девчонки ваши, соскучились по тебе?

Этот вопрос заставил меня напрячься.

— Да, есть такое.

— Небось, работал всю ночь без передышек, да? — послышался в трубке вкрадчивый голос. — И с товаром, и с ними.

Я вздохнул.

— Марин, давай не будем.

— Почему? — удивилась она. — Если ты теперь мой мужчина, то я хочу хотя бы знать, с кем ты еще трахаешься по служебным обязанностям.

— Ни с кем я не трахался! Они хотели, но я отказался, соврал про болезнь. И так буду делать, пока не решу вопрос.

— Отказался, потому что я тебя замучила? — поинтересовалась Марина.

— Нет, потому что я люблю тебя, и собираюсь дальше делать это только с тобой.

В трубке повисло долгое, гнетущее молчание.

— Правда? — голос Марины задрожал от радости. — Саш, ты сейчас не врешь?

— Ёлы-палы, а с чего мне врать, интересно? Если для тебя измена это нормально, то зачем мне врать, что я тебе изменяю, это было бы глупо и не логично.

— При чем тут измена? Вышел же закон, по которому выживший после эпидемии мужик должен удовлетворять и оплодотворять как можно большее количество женщин вокруг себя. Вот, я и подумала...

— Что я буду и дальше трахать всех направо и налево, да?

— Зачем так грубо? Ты ведь говорил, что общаешься только со своими девчонками-коллегами, хорошо знакомыми и проверенными, это ведь не направо и налево, с кем попало.

— Хорошенькое дельце! — проворчал я. — То есть, я теперь преступник, закон нарушаю?

— Насчет этого не знаю, — судя по голосу, Марина с той стороны телефонной связи пожалала плечами. — Но если ты будешь строить из себя монаха, то тебя рано или поздно припрут к стене, и заставят рассказать истинную причину. А там уже обиженные на тебя женщины сами решат — нарушаешь ли ты закон, или просто заслуживаешь того, что и с тобой обращались также плохо, как и ты с ними. А если у вас там одни женщины, и больше нет мужиков, то представляешь, что они тебе в отместку могут устроить? Получится просто адский кошмар, а не работа.

Эти слова заставили меня задуматься. Марина говорила умные вещи, к которым стоило прислушаться.

— Значит, надо отсюда валить, — сделал я неутешительный для себя вывод. — Хотя это проблемы не решит, потому что на другой работе будет все тоже самое.

— Вот и я говорю: зачем тебе работать? Кстати, у меня есть идея: как тебе работа на дому? Тебе вообще не надо будет никуда ходить и ни с кем спать, ты сможешь зарабатывать, не выходя из квартиры.

— Я подумаю, — мельком взглянул на часы — половина седьмого. До конца смены осталось полтора часа, надо работать. И внезапно меня посетила шальная идея.

— Слушай, а ты сейчас тоже на работу собираешься?

— Нет еще, кофе пью, — ответила Марина. — А что?

— Отложи пока свой кофе, — я встал из-за стола. — Что на тебе сейчас надето?

— Халатик, — ответила она. — Тот самый, твой любимый.

— А больше под ним ничего нет?

— Нет... Сашка, что за вопросы?

— Увидишь.

Выйдя из столовки, я как можно незаметнее прошмыгнул в мужскую, а теперь свою персональную, раздевалку. Сел на стул, развернул к себе телефон, и включил видеосвязь. На экране появилось очаровательное лицо Марины.

— Привет, любимый, — улыбнулась она. — Ну, и что за вопросы?

— Сейчас ты будешь себя ласкать, а буду говорить, чтобы с тобой сделал, если бы был рядом, — я расстегнул ширинку, доставая наружу член — он уже начал твердеть от одной только мысли о предстоящем. Взгляд Марины мгновенно устремился к нему, глаза потемнели, язычок нервно облизнул алые губки.

— Сашка... — она задышала глубже, и погладила свою грудь, обтянутую тонкой тканью халатик. — Может, не надо? Ты же на работе, и все-такое...

— У меня перерыв, — успокоил я. — И вообще, подождут. Или ты не соскучилась?

— Ужасно соскучилась, — отбросив сомнения, она прошла с телефоном в спальню, и установила его на кровать, так, чтобы он находился в одном положении, и снимал все с дальнего ракурса. Потом легким, незаметным движением расстегнула халатик, и повела плечами, давая ему упасть вниз.

Я залюбовался ею. Утром Марина была особенно хороша — свежая и выспавшаяся, ее тело

выглядело чертовски соблазнительно. Выпятив пышную грудь, и погладив твердые вишенки сосков, она провела рукой по своей талии, и накрыла ею набухшие от вожделения половые губки.

— Начинай ты, — попросил я.

— Если бы ты был сейчас рядом, — начала Марина, — То я бы конечно, тебя бы поцеловала.

— Неплохое начало.

— Да, но не в губы, — засмеялась она. — Поцеловала бы головку твоего большого, твердого члена. Потому что я знаю, как он любит мои поцелуи. Я бы ласкала головку языком, и целовала, ощущая, как он дрожит и пульсирует у меня между губ. Я бы наслаждалась его твердостью, и сходила с ума от мысли, что сейчас он заполнит мою мокрую, голодную киску. Говоря это, она слегка развела ноги в стороны, дав мне полюбоваться блестящей влагой ее сочного лона. Я провел рукой по стволу — он слов Марины он окончательно принял боевое положение, устремившись вверх, как ракета.

— Я хочу, чтобы ты заполнил меня, — она медленно ввела внутрь два пальца, подвигала, отозвавшись коротким, нетерпеливым стоном, потом вытащила, и медленно, со вкусом, облизнула, пристально глядя мне в глаза. — Я хочу, чтобы ты вошел в меня, чтобы долбил сначала в одной позе, потом в другой. Я хочу лежать под тобой, хочу кричать и умолять еще, еще, и еще — и хочу кончать каждый раз, как твой фаллос заполнит мою ненасытную пизденку своей теплой, вкусной спермой. А потом целоваться с тобой, пока ты снова не захочешь, а когда захочешь — подставить тебе свою попку, которая ждет твоего члена также сильно, как моя киска. Теперь твоя очередь.

Эта игра мне нравилась — низкий, чувственный голос Марины помогал все представить также хорошо, как если бы это было на самом деле.

— Ладно, — я немного подумал. — Я бы вылизал твою пизденку так, чтобы в первый раз ты кончила от моего языка.

— О! — она охнула, и начала большим пальцем натирать выступившую между половых губок горошинку клитора. — Продолжай!

— Потом я бы положил тебя так, чтобы твоя голова свешивалась с кровати, — реализовал я в воображении еще одну нашу позу, которую мы почерпнули прямоком из Интернета. — И вставил бы в твой горячий, ненасытный ротик свой член — и долбил бы тебя, пока твои руки сжимают мои ягодицы, а мои руки гладят твою грудь, сжимая и перекатывая между пальцами твои соски.

— А-а-а! — Марина оперлась на спинку кровати, и еще шире раздвинула ноги в стороны. Теперь ее мокрая вагина была передо мною во всей своей красе — и ее пальцы, что погружались в нее, заставляя хозяйку извиваться и постанывать от удовольствия. — Д-а-а-а, я такое люблю... А потом?

— А потом ты бы меня оседлала, — я водил рукой по поверхности члена, вдыхая и выдыхая сквозь крепко сжатые зубы. Картина, как Марина занимается со мной сексом, становилась все ярче и горячее. — Но села бы на мой большой, твердый член не киской, а своей узкой, восхитительной попкой.

— М-м-м! — Марина вытащила пальцы из своего лона, и развела в сторону ягодицы, показывая мне узкое колечко ануса. — Да, моя попка тоже плачет и просит, чтобы ее заполнили... Я бы вобрала тебя без остатка, и трахала бы тебя, пока...

— Пока бы не кончила, — продолжил я. — А чтобы ты кончила, я бы ласкал пальцами твой

клитор — такой маленький, твердый, приятный на ощупь... И целовал бы твою грудь — такую большую, упругую, вкусную...

— Да! — она резко ввела в себя сразу три пальца, и заработала ими с большой скоростью. А через пару минут изогнулась, и забилась в волнах оргазма. — Да! Кончаю! А-а-а-а!

Одновременно с ней я тоже прибавил темп, наддрачивая свой член, и представляя, как он входит то в узкое влажное лоно Марины, то в ее аппетитную попку. Мне пришлось изрядно попотеть, чтобы кончить самому, но протяжный стон Марины, возносившейся на вершины блаженства, здорово помогли. А проказница с той стороны экрана поднесла телефон к лицу, и открыла рот:

— Кончай мне в ротик... — простонала она. — Кончай!

Конечно, в виду технических причин сделать это было невозможно, но ведь можно было представить. Что я успешно и сделал.

— Ты супер! — шептала Марина, поглаживая себя по промежности, и все еще слегка подрагивая от оргазма. — Давай теперь каждый день таким заниматься.

— Давай, — согласился я, доставая салфетки, чтобы убрать сперму со своего живота. — Только дома, и при помощи компьютера с большим экраном.

— Тогда я на работу, — она нехотя поднялась. — А ты приезжай поскорее, пока я тут с ума не сошла от беспокойства.

— Если ничего не получится, то бери отгул, и приезжай сама. На машине у тебя получится быстрее, а так мы хотя бы дня три будем вместе.

На том и закончили разговор.